

Глава 7: Игры судьбы Рен Шухан едва ли знал вкус сладостей, пока в его жизни не появилась Цзян Цинъюэ. Несмотря на то, что род Цзян Цинъюэ не был столь знатным, как у Рен Шухана, юный Цинъюэ, незаконнорожденный сын, с ранних лет познал горечь жизни. Мать его рано ушла, а он, оставшись сиротой, терпел жестокое обращение. Лишь после того, как о его существовании узнала семья Рен, его усыновили, и спустя год или два, он прибыл в их поместье. Цинъюэ по-прежнему оставался тихим и незаметным, не смея выразить свои нужды. Лишь на одном из пышных банкетов, когда от голода у него закружилась голова, Рен Шухан понял, как сильно Цинъюэ нуждается в еде. — Почему ты ничего не сказал? — сердито спросил молодой господин, принеся целый стол с угощениями и навалившись на него. — Простите, у меня аллергия на многие вещи, поэтому я тайком отдал еду маленьким животным, чтобы не тратить её... — прошептал Цинъюэ, пытаясь спрятать свою тоску. Маленький Цзян Цинъюэ, увидев пиршество, не удержался и быстро набросился на еду, но в горло попала рыбная кость. И тут начался хаос. В дом пришел личный врач, а молодой господин, известный своим вспыльчивым характером, начал обвинять всех вокруг. Счастливая атмосфера вечеринки рассеялась, оставив за собой лишь ощущение неловкости и печали. После этого случая Цзян Цинъюэ отказался от рыбы, боясь причинить кому-то неприятности. Рен Шухан, понимая его страхи, решил, что отныне он будет есть любимую еду Цинъюэ, чтобы избавить его от беспокойства. С тех пор Рен Шухан "полюбил" есть сладости. Банкет проходил на площади перед виллой, где двое детей в нарядных одеждах стояли у десертного стола. Они еще не дошли до него, но одна фигурка послушно кормила другую. Утром, показывая Ку Чонгу усадьбу, Рен Шухан вспомнил эту сцену. Ему казалось, что тогдашний крошечный хозяин поместья считал, что все произошло по его вине. Кроме того, в его голову пришли и другие воспоминания. Первоначальный владелец и Цзян Цинъюэ провели свое детство в этом месте, оставив по всему поместью свои следы. В лесу был маленький домик на дереве, построенный двумя друзьями. У искусственного озера хранились маленькие санки для зимних игр. На маленьком золотистом пшеничном поле стояла высокая ветряная мельница, где храбрый мальчик когда-то сражался со злым драконом. И когда Рен Шухан стоял перед залом, он почти видел, как проигрывается один момент. Два маленьких ребенка играли в домик, сидя на ступеньках. Коротковолосый ребенок послушно надел белую вуаль на голову длинноволосого мальчика и заявил, что в будущем женится на нем. — Мальчикам не разрешается жениться друг на друге. — прошептал Цзян Цинъюэ, схватив вуаль. — Если я говорю, что это возможно, значит, это возможно. — ответил Рен Шухан, проявляя свою властность. Он небрежно сложил травинку, чтобы сделать кольцо, и надел его на палец Цзян Цинъюэ, произнеся при этом клятву: — Если ты захочешь, то это случится. — сказал он. Цзян Цинъюэ опустил глаза и незаметно кивнул. Была ли это детская шутка или игра, в которой раскрывалось то, в чем сердце не смело признаться? Кто принял это всерьез, кто забыл, кто все еще ждал? Когда Рен Шухан стоял на лестнице и смотрел вдаль, объяснение, которое он дал Ку Чонгу, не было полностью выдуманным. Он также хотел выполнить обещание, данное хозяином в самом начале. Возможно, такова судьба безответной любви. Рен Шухан положил перед Цзян Цинъюэ тонко нарезанную рыбу, отвлекшись от своих мыслей, и объяснил собравшимся: — Когда я был младше, Цинъюэ любил ходить за мной по пятам. Что бы я ни делал, он делал, и что бы я ни ел, он тоже ел. Если я не ел много, он тоже не ел, поэтому я не мог быть разборчивым в еде. — он говорил низким, мелодичным тоном, словно рассказывал историю любви, и ловко избегал упоминания о происхождении Цзян Цинъюэ, поэтому Цзян Цинъюэ и Гу Вэйци замерли на месте. — Но теперь мы выросли, — улыбнулся Рен Шухан, отходя от миски со сладким супом и беря себе миску с другим супом, — Цинъюэ, прости меня, пожалуйста, от сладкого у меня изжога. Все: — На секунду за столом воцарилась тишина. — Брат, мы те, кто устал от этого сладкого проявления привязанности, хорошо? — спросил Ку Чонг. Глаза Цяо Ниннин загорелись. Она уже оставила свою любовь к Гу Вэйци и кораблю Рен Шухана, и ей все больше нравился этот новый член семьи. — Неужели помощник Цзян был таким привязчивым, когда был маленьким? Такой милый! — спросила Цяо Ниннин, — Вы вместе ходили в школу? Цзян

Цинъюэ улыбнулся и опустил глаза, глядя на рыбу на своей тарелке. Когда Рен Шухан увидел, что тот не хочет больше ничего говорить, и что у него самого не было достаточно времени, чтобы вспомнить свои собственные переживания в школьные годы, он быстро закончил разговор:— Да.Однако Гу Вэйци внезапно открыл рот и стал рассказывать о своих академических достижениях:— Кстати говоря, Ледяной Бог и помощник Цзян окончили одну школу и считаются моими выпускниками. Я также изучал музыку в этой школе. Ледяной Бог даже обнаружил меня в баре рядом со школой.Хотя ученики этой школы часто работают на дворян, не так много студентов, которые успешно попадают в индустрию развлечений. Хотя Гу Вэйси начал свою карьеру со съемок в кино, он окончил школу с дипломом музыканта. Изначально он хотел скрыть эту свою "дикую карту" до тех пор, пока в будущем не выпустит альбом, чтобы поклонники были поражены не только его красотой и талантом, но и актерскими и певческими способностями. Но разве тот неловкий момент утром все еще транслировался?! Поэтому он должен был отвлечь внимание фанатов, раскрыв эту информацию.Рен Шухан решительно принял вызов:— Да, действительно, я видел Сяо Гу в баре возле той школы. Это было после того, как я вернулся в школу, чтобы навестить Цинъюэ днем. Я хотел, чтобы он вернулся домой и помог мне с работой. Но Цинъюэ сказал, что должен остаться до получения докторской степени, и он вернулся только сейчас.Разве это не лучшее академическое достижение? Цзян Цинъюэ был определенно гением, получив докторскую степень в Калифорнийском университете. Гу Вэйци, возможно, тоже был выпускником их школы, но, сравнивая их двоих, можно было легко понять, что он не такой гениальный, как другой.Цяо Ниннин немедленно похвалила его от всего сердца:— Боже мой, помощник Цзяна выглядит вот так, но он все еще так способен к обучению и усердно работает, он слишком совершенен! Цяо Ниннин, хоть и не была звездой первой величины, все же была тесно связана с миром шоу-бизнеса. Она сама училась музыке, и хотя ее alma mater не была элитной школой национального масштаба, в музыкальной индустрии это была, без сомнения, лучшая кузница талантов. Ее профессиональные навыки ничуть не уступали Гу Вэйци, поэтому, несмотря на отсутствие романтических чувств к нему, она искренне восхищалась Цзян Цинъюэ и его способностями. Ку Чонг, будучи моделью, не был так погружен в мир учебы, как они, поэтому его любопытство было еще сильнее: — Какая у помощника Цзяна специализация?— Экономика.Хотя они учились в одном университете, их специальности были совершенно разные. Рен Шухан же... изучал... ветеринарию. Это была самая большая загадка в мире шоу-бизнеса, и Ку Чонг давно мечтал получить ответ: — Кстати, все программы в вашем университете, безусловно, первоклассные, но степень Ледяного Бога, кажется, никак не связана с вашей нынешней работой. Почему вы выбрали именно ее?— Это звучит очень страшно, — сказала Цяо Ниннин, разрезая куриную ножку для компании, — Неужели придется иметь дело с кучей мелких животных?— В то время я был очень непокорным. Не хотел слушаться семью, не хотел изучать финансовый менеджмент. — Рен Шухан на мгновение задумался и улыбнулся. — В детстве я очень любил животных. Гуляя по этому поместью, я встречал змей, обезьян и прочих. Цинъюэ пугалась, и я каждый раз отгонял их.Когда речь зашла об их студенческих годах, Цзян Цинъюэ не хотел об этом говорить. В те времена молодой господин познакомился с Гу Вэйци, который еще не окончил школу, и он не хотел вспоминать о том, как его молодой господин встречался с Гу Вэйци и гулял в небольшом парке рядом с университетским городком. Но когда разговор коснулся его детства, он не смог сдержать улыбку: — Молодой господин в детстве был очень смелым, иногда даже слишком.Цзян Цинъюэ, рассказывая о маленьком Рен Шухане, не мог скрыть насмешливую улыбку: — Однажды он поймал змею у ручья, одной ногой держал ее за хвост, а другой рукой за голову, просто задушил ее и отнес домой, чтобы сфотографировать.Рен Шухан вспомнил и рассмеялся: — В тот раз ты так испугалась, что даже не могла плакать. Как бы я ни старался тебя успокоить, я все равно был виноват.Цяо Ниннин горела желанием увидеть фотографии: — Где фотография? Пойдем посмотрим, когда закончим есть!Ку Чонг подхватил: — Ты, наверное, была очень милой в детстве.Гу Вэйци молчала. Несколько раз попадая в неловкие ситуации из-

за Цзян Цинъюэ, на этот раз он был по-настоящему потрясен. Неужели Рен Шухан действительно не следовал сценарию? Что же изменилось? Не может быть, чтобы в одной книге было больше переселенцев, чем он! Рен Шухан, услышав его мысли, опешил: оказывается, он тоже был переселенцем. Он читал много романов, его мозг был очень гибким в этом плане. Поэтому его не шокировало наличие двойных переселенцев. Он просто слушал слова Гу Вэйци и продолжал анализировать: наличие двойных переселенцев — обычное дело. Если хорошенько подумать, то изменения в Рен Шухане начались сегодня рано утром, когда он привел с собой Цзян Цинъюэ. Вчера вечером он, вероятно, тоже провел с ним ночь... Значит, Цзян Цинъюэ тоже был переселенцем! Рен Шухан: ... Возможно, он его переоценил. Ах, молодой человек, неужели вы никогда не видели, как кто-то переселяется в тело гонга? Чем больше Гу Вэйци думал об этом, тем больше ему казалось, что так оно и есть. Он дважды презрительно посмотрел на Цзян Цинъюэ: белый лунный свет? Да он скорее похож на белый цветок лотоса! И сравнивать эту собаку с сокровищем... Он едва ли хотел за него бороться! Но все же... человек-собака еще не преследовал свою жену в крематории, и если бы он действительно не устроил погоню, разве он не понес бы большие потери? Нет. Гу Вэйци мысленно повторил это три раза. Он решил стиснуть зубы, снова драться, терпеть все это, чтобы угодить шлаковому гуну на некоторое время, а потом сделать шаг назад и ждать, когда ему набьют морду. После того, как он раздавит Цзян Цинъюэ, он полностью возьмет собакочеловека в свои руки, и тогда еще не поздно будет заставить его заплатить! Рен Шухан потерял дар речи, он едва мог есть свою еду: не нужно так сильно себя заставлять. После еды все отправились на второй этаж, чтобы посмотреть фотоальбом. Рен Шухан нарочно остался позади, притянул к себе Гу Вэйци и шепнул ему предупреждение под таким углом, чтобы его нельзя было заснять: — Когда я говорю, что ты мне не интересен, ты мне действительно больше не интересен. Так что, если ты продолжишь преследовать меня, сможешь ли ты позволить себе играть в эту игру? Глаза Гу Вэйци расширились, когда он уставился на него. Рен Шухан был доволен, что на этот раз тот наконец-то понял человеческую речь. Затем он увидел, как Гу Вэйци потянулся, чтобы поправить воротник. Его глаза смотрели на него со смешанными эмоциями, его губы были сомкнуты, и он ничего не сказал. Рен Шухан: Мм?— Системное оповещение: анализ эмоций в его глазах завершен: одна треть беспомощна, одна половина обижена, одна шестая неохотно. Гу Вэйци: Ты видел свой белый лотос? Ты все еще достоин, в конце концов! Рен Шухан испугался, сделал шаг назад и поднял голову. Как и ожидалось, он увидел на лестнице Цзян Цинъюэ, которая только что смотрела в ту сторону и, казалось, что-то не поняла и опустила голову.